

A watercolor illustration of a city street scene. In the foreground, a light blue typewriter is shown from a slightly elevated angle, with its keyboard and carriage visible. The background consists of several multi-story buildings in various colors (yellow, green, orange, blue) with numerous windows. The style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a slightly blurred background.

Три с половиной стенгазеты "Четвертой полосы"

Мария Самтенко

Мария Самтенко
Три с половиной стенгазеты
«Четвертой полосы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70413379

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ о том, как Юрий Олеша пытается сводить литературные счёты с Евгением Петровым, а Илья Ильф ему мешает. Казалось бы, причем тут стенгазеты? А вот!

Мария Самтенко

Три с половиной

стенгазеты

"Четвертой полосы"

Москва, 1926 год

Дворец Труда, редакция газеты «Гудок»

Летом 1923 года редакция газеты «Гудок» переехала из особняка на Большой Садовой во Дворец труда на Солянке. Редакционный отдел четвертой полосы обосновался в большой комнате со свежепобеленными стенами и строгими казенными столами и стульями. На стены мечтательно облизывался редакционный художник, но фельетонисты и литографчики успели занять место под стенгазету.

К весне 1926 года их было три: «Сопли и вопли», совершенно восхитительная коллекция газетных вырезок с опечатками, ляпами и халтурными заголовками, и два их филиала под названием «Приличные мысли» и «Так говорил Яков Рацер». Последняя стенгазета представляла собой сборник стихотворных объявлений, в основном за авторством этого самого Якова Рацера, известного нэпмена и неизвестного –

вернее, не признанного нигде, кроме «Гудка» – поэта.

Была и четвертая стенгазета, но она провисела от силы полдня, после чего была снята и вскоре забыта. О ней старались не вспоминать даже непосредственные участники событий – Илья Ильф и Юрий Олеша.

А началось все с того, что в самом позорном листке, «Сопли и вопли», появился фельетон Евгения Петрова. Какой-то ревнитель журналистики не поленился прийти на работу пораньше и переклеить перлы с «Соплей» в «Приличные мысли», чтобы освободить место под газетную вырезку. В которой, по мнению Ильи Ильфа, не было ничего заслуживающего внимания (и уж тем более позорного листа). Кроме автора.

Петров был родной брат Валентина Катаева. Он работал в профкоме, но изредка все же приносил что-нибудь на печать. Под псевдонимом, естественно, но в «Гудке» и так все всех знали. В отдел четвертой полосы он любил забегать два-три раза за день – и, кажется, должен был зайти с минуты на минуты.

– Доброе утро, товарищи, – поприветствовал присутствующих Ильф. – Сводите литературные счета?..

Догадаться, кто переклеил газету, было несложно – стоящие у «Соплей...» Олеша с Булгаковым оживленно обсуждали Петрова и некую девушку, Валю Грюнзайд, на которую тот якобы положил глаз.

Ильф понял, что Олеша взбешен. Шестнадцатилетняя Ва-

ля, соседка Катаева, была его музой, он обещал посвятить ей сказку и жениться, как станет богатым и знаменитым.

В том, что хорошенькая юная соседка не оставила равнодушным и Женю Петрова, не было ничего удивительного. Но Юра счел это страшным посягательством на свои права.

Масла в огонь подлил и Валя Катаев, которому, очевидно, показалось забавным рассказать Олеше о влюбленности брата. Посеяв смуту в душе вечного друга-соперника, он с чистой совестью уехал на воды, оставив ничего не подозревающего Женю на растерзание главному оскорбленному.

И тот, конечно, замыслил месть.

– Доброе утро, Иля, – сказал Булгаков, на секунду отрываясь от горячей дискуссии и протягивая Ильфу руку. – Вы только взгляните! Куда это годится!..

Булгаков был недоволен не только с этической, но и с художественной точки зрения. На его взгляд, сочинения Петрова были не настолько плохи, чтобы заслужить место в «Соплях».

Ильф присоединился к обсуждению и на правах друга возмущенно заявил, что редакционные стенгазеты – это не место для сведения счетов с Петровым, и что лучше бы Олеша написал про него фельетон, раз уж его так задело.

Ильф даже принялся сочинять: брат известного писателя, всеобщий приятель, систематически отбивает музы друзей...

Олеша записал сюжет в книжечку и сказал, что Петров

уже забегал рано утром и имел сомнительную честь видеть свое творение в «Соплях».

Он хорошо держал удар и даже попробовал пошутить, что весь их семейный талант ушел Валентину Катаеву. Про Валю Грюнзайд он, кажется, не догадывался.

Ильфу стало гадко.

– Юра, это отвратительно, – сказал он. – Вы должны немедленно сходить к Петрову и извиниться!

– Вот еще! – фыркнул Олеша. – И вообще, Иля, вы мой друг и должны меня поддерживать. А Петров пусть жалуется брату.

Ильф с Юрой и вправду были друзьями, а с Женей встречались лишь на работе и у Катаева. Таких вот приятелей у общительного Петрова хватало во всех уголках «Гудка».

– Нет, Юра, и все-таки это подло, – упрямо повторил Ильф. – Снимайте. Довольно.

Олеша пропустил слова Ильфа мимо ушей. Ему не было «довольно». Он жаждал полной моральной победы над ничем не подозревающим соперником.

В комнате «четвертой полосы» Петрова уже не ждали, но он все равно появлялся, два или три раза – такой же веселый и жизнерадостный. Разница была только в том что он старался не смотреть на «Сопли и вопли» – ну и, пожалуй, в том, что Ильф каждый раз чувствовал себя так гадко, будто стал соучастником преступления.

Особенно мерзко ему стало на обеде, когда Олеша позвал

Петрова к ним за стол и принялся задавать какие-то наводящие вопросы про то, как непропорционально распределяются литературные таланты между братьями Катаевыми.

Ильф дождался паузы и без какой-то связи с плакатом прошелся относительно болезненной мстительности Олеси – чего не делал практически никогда, потому как в основе их дружбы лежала негласная договоренность не шутить друг над другом.

Петров допил кофе и убежал. Олеша надулся, и Ильф, не удержавшись, пошутил еще и насчет этого. Он был беспощаден.

К концу обеда они с Булгаковым решили пройтись. Олеша, обычно сопровождающих их в ежедневных моционах, все еще сердился и в наказание лишил их своей компании.

– Мне кажется, вы сами переживаете больше, чем Евгений Петров, – заметил чуткий Булгаков.

– Петров, что Петров, – с досадой сказал Ильф. – Дело не в том, что человек перестанет писать из-за этой гнусной выходки, а в том, что мой друг – двуличная сволочь. Вы слышали утром?..

– Просто не принимайте это на ваш счет, и все, – улыбнулся Булгаков. – Вы слишком много требуете от дружбы. Если вы перестанете прощать вашим друзьям их маленькие слабости, то станете совсем одиноким.

– Есть вещи, которые я не собираюсь терпеть, – серьезно возразил Ильф. – И подлость в том числе. Если он сегодня

же не скажет Петрову, я просто не знаю.

– О чем вы говорите! – рассмеялся Булгаков. – Вот так прямо Олеша подойдет к Жене и скажет: простите, я отправил ваш фельетон в «Сопли» не потому, что он так ужасен, а потому, что вы, Петров, положили глаз на мою музу?

– Примерно так.

– Что за наивность, Иля! Этого никогда не будет. Может быть, вы еще попросите Олешу признаться, что он завидует Жене – его характеру, его трудолюбию и его великолепному брату?

Ильф промолчал – говорить об Олеше в таком ключе ему было неприятно. Но оставить все как есть он тоже не мог.

К вечеру он окончательно убедился, что Олеша считает себя абсолютно правым, а инцидент – исчерпанным. Злиться на него было абсолютно бесполезно, и Ильф сменил гнев на милость. Они с Юрой мирно поужинали в столовой и распрощались – Ильф спокойно объявил другу, что хочет задержаться и немного поработать.

Утром любитель раннего подъема Булгаков обнаружил его спящим на трех составленных в ряд стульях. Ильф встал, недовольно потер глаза и пошел в столовую «Гудка» за горячим кофе – от недосыпа его знобило.

По пути поймал за рукав куда-то мчащегося Петрова и попросил забежать к ним в течение дня.

Петров зашел уже ближе к обеду, и все это время в редакции царил напряженная атмосфера. Олеша демонстратив-

но не разговаривал с Ильфом и не участвовал в общих обсуждениях.

– Ну же, Юра, признайтесь, – с улыбкой говорил ему Ильф. – Вы же сами знаете, что вы были не правы. Я же вижу! Так чего вы злитесь?..

Олеша молча скрипел зубами и раздраженно точил карандаш. К Ильфу он каждый раз демонстративно поворачивался спиной. Булгаков и остальные разводили руками и беззвучно смеялись. Все работали и ждали Петрова.

И вот он пришел: взглянул на стену, недоверчиво вскинул голову, не обнаружив свой фельетон в «Соплях и воплях»... и увидел четвертую стенгазету.

Ильф рисовал всю ночь. Стенгазета называлась «Обидчики Ю. Олеша». Центр композиции занимала газетная вырезка со злополучным фельетоном Петрова. Поверх вырезки красовалась фотокарточка с портретом и текстом следующего содержания:

«Е.П. Петров (Катаев):

1. Пообещал жениться на девушке, которая понравилась Ю. Олеше.
2. Слишком много работает.
3. Имеет знаменитого брата».

Полюбовавшись, Петров подошел к Олеше, протянул ему руку и весело сказал:

– На сатисфакции я не настаиваю. Могу предложить обычную драку!

Олеша молча пожал протянутую руку, но потом не выдержал и засмеялся. Петрову притащили кофе, и инцидент был исчерпан.

Ильф помирился с Олешей после того, как снял стенгазету. Больше таких размолвок у них не случалось. Про этот эпизод в редакции «четвертой полосы» старались не вспоминать.

Тогда никто не мог и подумать, что Юрий Олеша напишет свой гениальный роман «Зависть» всего через год, в 1927 году. Но помнить его будут не за «Зависть», а за сказку «Три толстяка» – посвященную Валентине Грюнзайд, жене Евгения Петрова. А Илья Ильф и Евгений Петров вскоре начнут работать вместе и напишут «12 стульев» уже в 1928 году.